

УДК 94(9)

**КОНФЛИКТ В БУГЕНВИЛЕ - НАЧАЛО КОНФЛИКТА: ОТ НАЧАЛА
КОНФЛИКТА ДО ХОНИАРСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ (1988 - 1991)****Хахалин Станислав Игоревич,**Преподаватель кафедр «Общематематических и естественно-научных дисциплин» и
«Землеустройства и кадастра», Московский финансово-юридический университет
khakhalin.stanislav@yandex.ru**Аннотация**

В статье рассматривается начальный этап конфликта в Бугенвиле в период с 1988 по 1991 год, когда локальный спор вокруг рудника Пангуна перерос в вооруженное противостояние между бугенвильскими силами и центральной властью Папуа – Новой Гвинеи. Анализируются экономические, социальные, экологические и политические причины конфликта, включая проблему распределения доходов от добычи меди, земельные претензии местных общин, рост сепаратистских настроений и силовую реакцию Порт-Морсби. Особое внимание уделено роли Фрэнсиса Оны, закрытию рудника, введению блокады острова и трансформации протеста в затяжной кризис. Отдельно раскрывается значение Хониарской декларации 1991 года как первой попытки перевести конфликт в переговорный формат. Делается вывод о том, что именно в 1988–1991 годах сформировались ключевые линии бугенвильского вопроса, определившие дальнейшее развитие региона.

Ключевые слова: Бугенвиль; Папуа – Новая Гвинея; Пангуна; вооруженный конфликт; сепаратизм; Фрэнсис Она; Хониарская декларация; ресурсный конфликт; землевладельцы; Океания.

**THE BOUGAINVILLE CONFLICT - THE BEGINNING OF THE CONFLICT:
FROM THE OUTBREAK OF THE CONFLICT TO THE HONIARA
DECLARATION (1988-1991)****Stanislav I. Khakhalin,**Teaching of the departments of «General Mathematical and Natural Science Disciplines» and
«Land Management and Cadastre», Moscow University of Finance and Law.**ABSTRACT**

The article examines the initial stage of the Bougainville conflict from 1988 to 1991, when a local dispute over the Panguna mine escalated into an armed confrontation between Bougainville forces and the central government of Papua New Guinea. The study analyzes the economic, social, environmental, and political causes of the conflict, including the problem of the distribution of copper mining revenues, land claims by local communities, the growth of separatist sentiment,

and the forceful response of Port Moresby. Special attention is given to the role of Francis Ona, the closure of the mine, the blockade of the island, and the transformation of protest into a prolonged crisis. The significance of the 1991 Honiara Declaration as the first attempt to move the conflict into a negotiation framework is examined separately. It is concluded that the key lines of the Bougainville issue that determined the region's further development were formed precisely in 1988–1991.

Keywords: Bougainville; Papua New Guinea; Panguna; armed conflict; separatism; Francis Ona; Honiara Declaration; resource conflict; landowners; Oceania.

Введение

Конфликт в Бугенвиле начался на стыке региональной периферии, сырьевой экономики и незавершенного национального строительства, когда остров, формально оставаясь частью Папуа – Новой Гвинеи, всё заметнее воспринимал себя отдельным политическим и культурным пространством [1, с. 241].

Экономическая модель Папуа – Новой Гвинеи к концу 1980-х годов оставалась жестко привязанной к добыче полезных ископаемых, а значит, любой удар по Пангуну немедленно превращался в удар по бюджету, экспорту и устойчивости центральной власти в Порт-Морсби [2, с. 210]. Молодое государство вошло в период кризиса со слабыми партийными механизмами, высоким уровнем межгрупповой раздробленности, напряжением вокруг земельного вопроса и растущим недовольством экологическими последствиями добычи [3, с. 168]. Политическая линия Майкла Сомаре опиралась на идею единой Папуа – Новой Гвинеи, но бугенвильские элиты и землевладельцы всё чаще рассматривали подобную модель как форму контроля извне, а не как справедливый союз островов и провинций [4, с. 271].

К 1988 году медно-золотой рудник Пангуна давно перестал быть обычным промышленным объектом и стал нервным узлом всей страны, поскольку с 1972 по 1989 год он обеспечивал около 45% экспорта Папуа – Новой Гвинеи и около 17% внутренних государственных доходов [5, с. 199].

На острове подобная пропорция выглядела почти вызывающе, поскольку местные кланы видели рядом с карьером не финансовое чудо, а загрязненные русла Джабы и Каверонга, эрозию почв, наплыв работников с материка и чужой контроль над землей предков [5, с. 201]. Бугенвильский кризис быстро вышел за рамки внутреннего спора между компанией и землевладельцами, поскольку соседние меланезийские общества, прежде всего Соломоновы Острова, воспринимали происходящее как проблему всей островной зоны, связанной морскими, родовыми и политическими контактами [6, с. 301].

Экономические и социальные корни конфликта

Формальным толчком к открытому кризису стали действия Фрэнсиса Оны и Пепетуа Сереро, связанных с NPLA (New Panguna Landowners Association), которые потребовали от BCL (Bougainville Copper Limited) 10 млрд кина компенсации за экологический и социальный ущерб, 50% будущих доходов и пересмотра всей системы распоряжения ресурсами [7, с. 331]. В конце 1988 года подобные требования уже не были обычным переговорным давлением, поскольку за ними стояло убеждение, что остров отдает стране медь и золото, а получает загрязнение, неравенство и постепенное вытеснение местных общин с ключевых позиций [7, с. 334]. Политическая риторика быстро радикализировалась: спор о роялти стал спором о власти, а спор о власти – спором о праве народа Бугенвиля самому определять судьбу острова [7, с. 338].

Глубинный слой конфликта лежал еще глубже и уходил в колониальную историю острова, в ломку традиционных структур и в наложение глобальной горнодобывающей экономики на местные социальные системы [8, с. 192].

Рудник Пангуна с конца 1960-х годов построил Бугенвиль в мировую цепочку сырьевого капитала, но не построил местные общины в равноправное распределение выгод, из-за чего к 1988 году насилие воспринималось частью островитян уже не как исключение, а как ответ на долгую серию накопленных унижений [8, с. 193]. В таком контексте первые диверсии конца 1988 года выглядели не случайной акцией небольшой группы, а логическим выходом конфликта из переговорной фазы в фазу вооруженного сопротивления [8, с. 198].

Таблица 1 – Ключевые причины начала конфликта в Бугенвиле к концу 1988 года

Причина	Конкретное проявление	Фактический пример	Политический результат
Неравное распределение доходов	Основная прибыль уходила компании и центру	Пангуна обеспечивала около 45% экспорта ПНГ и около 17% госдоходов	Рост антипорт-морсбийских настроений
Земельный вопрос	Земля кланов использовалась под карьер и инфраструктуру	Требование 10 млрд кина компенсации	Радикализация землевладельческого движения
Экологический ущерб	Загрязнение рек и деградация ландшафта	Жалобы на состояние Джабы и Каверонга	Делегитимация BCL в глазах общин
Демографическое давление	Приток работников с материка	Рост чувства культурного вытеснения	Усиление этнополитического компонента
Слабость центра	Поздняя и силовая реакция Порт-Морсби	Подключение мобильных полицейских отрядов	Переход от протеста к вооруженному конфликту

Источник: Составлено автором по: [5, 7, 8]

Переход от протеста к вооруженному восстанию в 1988–1989 годах

Первая стадия вооруженного конфликта развивалась очень быстро: кражи взрывчатки, подрывы линий электропередачи, атаки на инфраструктуру рудника и давление на работников BCL сломали производственный ритм Пангуны уже в конце 1988 года [9, с. 4]. В 1989 году рудник был закрыт, а закрытие крупнейшего экономического актива страны превратило бугенвильский кризис из провинциальной проблемы в вопрос национального выживания Папуа – Новой Гвинеи [9, с. 5].

На острове к тому времени уже оформилось ядро Бугенвильской революционной армии (БРА), в котором Фрэнсис Она стал политическим символом восстания, а бывший военнослужащий Сам Кауона – одним из ключевых военных организаторов [9, с. 6].

Ответ Порт-Морсби ускорил переход к гражданской войне, поскольку на саботаж власти ответили не политическим торгом и не институциональной реформой, а вводом полиции и подразделений PNGDF (силы обороны Папуа – Новой Гвинеи), после чего насилие быстро распространилось за пределы района Пангуны [10, с. 60]. Силовой сценарий дал краткосрочный эффект устрашения, но стратегически укрепил у части бугенвильцев мысль о том, что центр разговаривает с островом только языком силы, а

значит, спор о компенсациях уже невозможно решить внутри прежней конституционной модели [10, с. 62]. К концу 1989 года конфликт приобрел три измерения одновременно: антиколониальное по риторике, ресурсное по материальной основе и сепаратистское по политическому содержанию [10, с. 65].

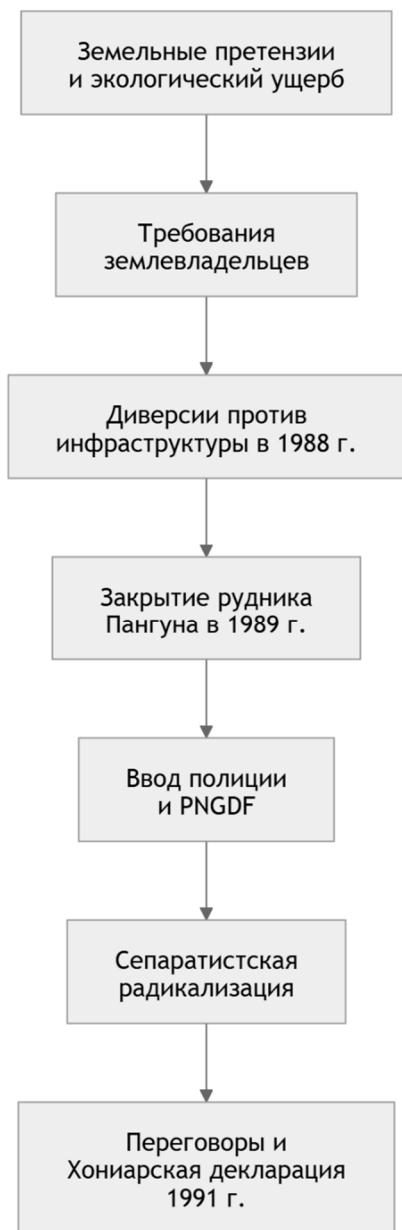

Рисунок 1 – Логика перерастания ресурсного спора в вооруженный конфликт
Источник: Составлено автором по: [5, 7, 10]

Эскалация 1990 года: независимость, блокада, раскол

1990 год стал переломным, поскольку вооруженное противостояние перешло в стадию политического разрыва с Папуа – Новой Гвинеей: после вывода части правительственных сил Бугенвиль оказался под контролем БРА, а в мае была провозглашена односторонняя независимость [5, с. 203]. Для Порт-Морсби подобный шаг означал прямой вызов суверенитету страны, для сторонников Оны – первый реальный опыт собственного политического пространства, пусть и без международного признания [7, с.

344]. В ответ правительство установило блокаду острова, перекрыв поставки, коммуникации и доступ к значительной части внешней помощи [10, с. 66].

Блокада ударила не только по боевикам, но и по гражданскому населению, поскольку дефицит медикаментов, топлива, транспорта и базовых услуг быстро превратил остров в зону затяжного гуманитарного кризиса [8, с. 199]. Внутри самого Бугенвиля начался новый раскол: на севере, прежде всего на Буке, часть местных групп выступила против господства БРА, что ослабило тезис о полном единстве острова и показало, что гражданская война растет уже внутри бугенвильского общества [3, с. 169]. Конфликт перестал быть линией «остров против центра» и начал дробиться на несколько фронтов – БРА, центральные силы, лоялистские группы и локальные общины, защищавшие прежде всего собственные деревни и кланы [9, с. 8].

Таблица 2 – Хронология раннего этапа конфликта в Бугенвиле, 1988–1991 годы

Дата	Место	Событие	Значение
Конец 1988 г.	Район Пангуны	Первые диверсии против инфраструктуры рудника	Переход от требований к насилию
1989 г.	Пангуна	Закрытие рудника BCL	Экономический удар по ПНГ и символическая победа мятежников
Май 1990 г.	Бугенвиль	Одностороннее провозглашение независимости	Переход к открытому сепаратизму
1990 г.	Бугенвиль, Порт-Морсби	Установление блокады	Гуманитарная и политическая эскалация
5 августа 1990 г.	На борту HMNZS Endeavour	Endeavour Accord	Первая крупная попытка диалога
23 января 1991 г.	Хониара, Соломоновы Острова	Подписание Honiara Declaration	Попытка перевести войну в режим переговоров

Источник: Составлено автором по: [6, 9, 10]

Хониарская декларация как рубеж первого этапа

Переговоры в Хониаре 22–23 января 1991 года стали первой серьезной попыткой превратить конфликт из серии вооруженных столкновений в оформленный переговорный процесс с понятной программой действий [6, с. 304]. В тексте декларации стороны зафиксировали отказ от немедленного обсуждения окончательного политического статуса Бугенвиля, согласились двигаться в рамках действующей конституционной модели Папуа – Новой Гвинеи, поддержали идею восстановления услуг, снятия блокады поэтапно, создания Task Force, Interim Legal Authority и привлечения Multinational Supervisory Team [7, с. 346].

Под документом стояли подписи Майкла Сомаре и Джозефа Кабуи, а сама встреча прошла в Хониаре при посредничестве Соломоновых Островов и церковных структур, что подчеркивало уже международный, а не чисто внутрипровинциальный масштаб кризиса [10, с. 67].

Пределы соглашения проявились почти сразу, поскольку вопрос о разоружении БРА и контроле над выполнением условий вызвал резкое сопротивление внутри повстанческого лагеря [5, с. 204]. Австралийские и региональные наблюдатели позднее отмечали, что часть

делегатов БРА отозвала поддержку декларации буквально в течение часов после подписания, а отказ принимать помощь в феврале 1991 года показал наличие глубокого внутреннего конфликта между политическим и военным крылом бугенвильского движения [9, с. 9]. Хониарская декларация не остановила войну, но завершила первый этап конфликта, когда спор о земле и руднике окончательно превратился в борьбу за власть, легитимность и будущее государственного статуса острова [10, с. 68].

Заключение

Период с конца 1988 года до января 1991 года стал фазой, в которой Бугенвиль прошел путь от локального ресурсного бунта до полноценного вооруженного и политического кризиса меланезийского масштаба [8, с. 200].

Начало конфликта объяснялось не одной причиной, а сплетением нескольких жестких линий: экономической зависимости Папуа – Новой Гвинеи от Пангуны, несправедливого распределения доходов, экологического ущерба, слабости государственных институтов, незавершенной интеграции острова в национальный проект и силовой ошибки Порт-Морсби [3, с. 168]. Первая волна насилия показала простую закономерность: чем дальше центр отвечал на требования землевладельцев языком полиции и армии, тем быстрее спор о компенсации превращался в войну за независимость [7, с. 338].

Хониарская декларация зафиксировала предел подобной эскалации и одновременно продемонстрировала, что мир невозможен без учета местной легитимности, без восстановления услуг, без посредничества соседних островных акторов и без признания того факта, что Бугенвиль уже перестал считать себя обычной провинцией [6, с. 305]. Позднейший почти единогласный результат референдума 2019 года – 97,7% за независимость – стал не случайным всплеском, а отложенным итогом ранних лет войны, когда на острове сложилась политическая память, пережившая и блокаду, и раскол, и неудачные соглашения начала 1990-х годов [10, с. 58].

Список литературы:

1. Гарин А.А., Пале С.Е. Место Соломоновых Островов и Кирибати в геополитическом мышлении Китая [Электронный ресурс] // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. III. № 3(52). С. 234–253. DOI: 10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-234-253. URL: <https://sea.ivran.ru/articles?artid=210257> (дата обращения: 02.04.2026).
2. Миклухо-Маклай Н.Н. Обзор экономического и политического положения Папуа – Новой Гвинеи в период COVID-19 в 2021 г. [Электронный ресурс] // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. III. № 3(52). С. 203–219. DOI: 10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-203-219. URL: <https://sea.ivran.ru/articles?artid=210255> (дата обращения: 02.04.2026).
3. Миклухо-Маклай Н.Н. Становление независимого государства Папуа – Новая Гвинея в 1970–1980-х гг.: проблемы и пути их решения [Электронный ресурс] // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. IV. № 4(57). С. 166–175. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-4-4-57-166-175. URL: <https://sea.ivran.ru/articles?artid=211569> (дата обращения: 02.04.2026).
4. Миклухо-Маклай Н.Н. В память о большом друге России и «отце нации» Папуа – Новой Гвинеи Майкле Сомаре [Электронный ресурс] // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. III. № 3(56). С. 269–282. DOI: 10.31696/2072-

- 8271-2022-3-3-56-269-282. URL: <https://sea.ivran.ru/articles?artid=211521> (дата обращения: 02.04.2026).
5. Миклухо-Маклай Н.Н. Роль землевладельцев в освоении природных ресурсов Папуа – Новой Гвинеи [Электронный ресурс] // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. № 5(61). С. 197–205. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-197-205. URL: <https://sea.ivran.ru/articles?artid=214769> (дата обращения: 02.04.2026).
 6. Миклухо-Маклай Н.Н. Культурно-исторические связи России и Папуа – Новой Гвинеи как пример эффективности мягкой силы [Электронный ресурс] // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2024. Т. II. № 2(63). С. 296–313. DOI: 10.31696/2072-8271-2024-2-2-63-296-313. URL: <https://sea.ivran.ru/articles?artid=216480> (дата обращения: 02.04.2026).
 7. Brucker C. Advocating for rebellion: Rebel diplomacy and international advocacy in the Bougainville Crisis [Electronic resource] // Small Wars & Insurgencies. 2025. Vol. 36. No. 2. P. 327–352. DOI: 10.1080/09592318.2024.2428036. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09592318.2024.2428036> (accessed: 02.04.2026).
 8. Iruinu B., Lasslett K. Colonial Violence, Contemporary Conflict and Socio-Ecological Renewal: Analysis from Bougainville [Electronic resource] // Southern and Postcolonial Perspectives on Policing, Security and Social Order / ed. by R. P. Cavalcanti, P. Squires, Z. Waseem. Bristol: Bristol University Press, 2023. P. 191–210. DOI: 10.56687/9781529223699-013. URL: <https://www.degruyterbrill.com/document/doi/10.56687/9781529223699-013/html> (accessed: 02.04.2026).
 9. Ivarature H. Bougainville: «Burukim wara bilong kantri» [Electronic resource] // Australian Journal of International Affairs. 2025. Vol. 79. No. 6. P. 1–13. DOI: 10.1080/10357718.2025.2589355. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10357718.2025.2589355> (accessed: 02.04.2026).
 10. Regan A.J., Baker K., Oppermann T.C. The 2019 Bougainville Referendum and the Question of Independence: From Conflict to Consensus [Electronic resource] // The Journal of Pacific History. 2022. Vol. 57. No. 1. P. 58–88. DOI: 10.1080/00223344.2021.2010683. URL: <https://researchportalplus.anu.edu.au/en/publications/the-2019-bougainville-referendum-and-the-question-of-independence/> (accessed: 02.04.2026).

References:

1. Garin A.A., Pale S.E. The Place of the Solomon Islands and Kiribati in China's Geopolitical Thinking [Electronic resource] // Southeast Asia: Current Development Issues. 2021. Vol. III. No. 3(52). Pp. 234–253. DOI: 10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-234-253. URL: <https://sea.ivran.ru/articles?artid=210257> (accessed: 02.04.2026).
2. Miklouho-Maclay N.N. Review of the Economic and Political Situation in Papua New Guinea during the COVID-19 Period in 2021 [Electronic resource] // Southeast Asia: Current Development Issues. 2021. Vol. III. № 3(52). P. 203–219. DOI: 10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-203-219. URL: <https://sea.ivran.ru/articles?artid=210255> (accessed: 02.04.2026).

3. Miklouho-Maclay N.N. Formation of the independent state of Papua New Guinea in the 1970–1980s: problems and solutions [Electronic resource] // Southeast Asia: current problems of development. 2022. Vol. IV. № 4(57). P. 166–175. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-4-4-57-166-175. URL: <https://sea.ivran.ru/articles?artid=211569> (date of access: 02.04.2026).
4. Miklouho-Maclay N.N. In memory of a great friend of Russia and the "father of the nation" of Papua New Guinea, Michael Somar [Electronic resource] // Southeast Asia: current problems of development. 2022. Vol. III. No. 3(56). Pp. 269–282. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-3-3-56-269-282. URL: <https://sea.ivran.ru/articles?artid=211521> (accessed: 02.04.2026).
5. Miklouho-Maclay N.N. The Role of Landowners in the Development of Natural Resources of Papua New Guinea [Electronic resource] // Southeast Asia: Current Development Issues. 2023. No. 5(61). Pp. 197–205. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-197-205. URL: <https://sea.ivran.ru/articles?artid=214769> (accessed: 02.04.2026).
6. Miklouho-Maclay N.N. Cultural and Historical Ties between Russia and Papua New Guinea as an Example of the Effectiveness of Soft Power [Electronic resource] // Southeast Asia: Current Problems of Development. 2024. Vol. II. No. 2(63). Pp. 296–313. DOI: 10.31696/2072-8271-2024-2-2-63-296-313. URL: <https://sea.ivran.ru/articles?artid=216480> (accessed: 02.04.2026).
7. Brucker C. Advocating for rebellion: Rebel diplomacy and international advocacy in the Bougainville Crisis [Electronic resource] // Small Wars & Insurgencies. 2025. Vol. 36. No. 2. Pp. 327–352. DOI: 10.1080/09592318.2024.2428036. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09592318.2024.2428036> (accessed: 04/02/2026).
8. Iruinu B., Lasslett K. Colonial Violence, Contemporary Conflict and Socio-Ecological Renewal: Analysis from Bougainville [Electronic resource] // Southern and Postcolonial Perspectives on Policing, Security and Social Order / ed. by R. P. Cavalcanti, P. Squires, Z. Waseem. Bristol: Bristol University Press, 2023, pp. 191–210. DOI: 10.56687/9781529223699-013. URL: <https://www.degruyterbrill.com/document/doi/10.56687/9781529223699-013/html> (accessed: 04/02/2026).
9. Ivarature H. Bougainville: “Burukim wara bilong kantri” [Electronic resource] // Australian Journal of International Affairs. 2025. Vol. 79.No. 6. P. 1–13. DOI: 10.1080/10357718.2025.2589355. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10357718.2025.2589355> (accessed: 04/02/2026).
10. Regan A.J., Baker K., Oppermann T.C. The 2019 Bougainville Referendum and the Question of Independence: From Conflict to Consensus [Electronic resource] // The Journal of Pacific History. 2022. Vol. 57.No. 1. P. 58–88. DOI: 10.1080/00223344.2021.2010683. URL: <https://researchportalplus.anu.edu.au/en/publications/the-2019-bougainville-referendum-and-the-question-of-independence/> (accessed: 04/02/2026).